

ОЛЬГА КАРПОВИЧ

ВСЕГДА БУДУ
РЯДОМ

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
К26

Карпович, О.

К26 Всегда буду рядом / О. Карпович. — М.: RUGRAM,
2024. — 342 с.

ISBN 978-5-521-91131-8

Выдумщица Влада еще со школьной скамьи собиралась стать писательницей, а ее амбициозная подруга Кира — голливудской актрисой. Забавно, что судьба, щедрая на сюрпризы, внесла в их планы свои коррективы. Влада, за компанию поступавшая с Кирой на актерский факультет, была принята, Кире же пришлось идти иной дорогой. Однако пути подруг не разошлись, и каждая из них получила от жизни ценный подарок. Но как они ими воспользовались? Удалось ли женщинам в погоне за карьерными свершениями обрести семейное счастье и не упустить тех, кто всегда готов был подставить для них свое плечо?

BIC FA
BISAC FIC000000

© Ольга Карпович, текст, 2023
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ISBN 978-5-521-91131-8

2017

За толстым стеклом иллюминатора светит солнце, медленно проплывают редкие, похожие на старую слежавшуюся вату, которой в моем детстве обматывали елочный ствол, создавая жалкое подобие снега, облака. Внизу виднеется далекая, расчерченная на фрагменты неправильной формы земля — тонкие полосы рек, островки полей, домики, словно сбежавшие с дешевых пасхальных открыток. А поверх всего этого лежит смутный бледный абрис моего отраженного в стекле лица — высокие, еще ярче обозначившиеся с годами скулы, тонкий нос, ярко выраженные надбровные дуги, четко очерченные губы. Когда-то обо мне говорили, что я похожа на Грету Гарбо. А я поначалу злилась, что меня сравнивали с какой-то доисторической дивой, потом, наоборот, втайне гордилась этим сходством и от таких сравнений лишь выше задирала свой юный дерзкий нос. Впрочем, все это было очень давно.

Я откидываюсь на спинку кресла. Здесь, в бизнес-классе, они куда удобнее, чем в основной части салона, дают возможность вытянуться, распрямить ноги. Как бы ни хотела я самой себе и окружающим казаться человеком без возраста, он таки берет свое, и

в путешествиях приходится теперь задумываться об удобстве.

— Вам что-нибудь предложить? — склоняется ко мне стюардесса.

Симпатичная, тоненькая и на вид очень старательная, этакая отличница-комсомолка-спортсменка с чисто вымытыми щеками.

— Да, будьте добры, чашку кофе и рюмку коньяку.

Стюардесса очень серьезно кивает, даже губами шевелит, беззвучно повторяя про себя мой заказ. И через пять минут на откидном столике передо мной уже стоит дымящаяся чашка и рюмка с янтарной жидкостью. Мне на секунду становится интересно, чем это вызван такой пиетет ко мне. В лицо эта девочка могла узнать меня вряд ли, известность моя скорее на слуху, чем на виду. Возможно, ее внимание привлекла фамилия в билете. А может быть, персоналу авиакомпании просто полагается облизывать всех без исключения пассажиров бизнес-класса.

Я прикрываю глаза и машинально начинаю играть в привычную игру — пытаюсь разглядеть, прочувствовать, какая у этой девочки с внешностью студентки-отличницы может быть тайна. Может, после работы она размалевывает свое до нелепости юное лицо гримом, переодевается в тяжелые ботинки и косуху и выступает в рок-клубе? Или у нее роман с командиром корабля, немолодым, плотно женатым мужиком с седыми усами. Она старательно изображает перед ним эту кроткую, безответную розовую барышню — так старательно, что даже на работе не может избавиться от намертво прилипшей маски, — а сама втайне точит коготки на его квартиру и дачу. Или, может быть...

Сосредоточиться не получается. Эта поездка — в страну, некогда бывшую моей родиной и давно уже ставшую просто очередной точкой на карте в моей кочевой перелетной жизни, — как-то странно нервирует меня, будит смутные воспоминания. Полосатый расцвет над Москвой-рекой, выползающее из-за сырых, подплывших влагой серых туч солнце, ветер, налетающий порывами, оставляющий на губах привкус речной воды, раннего московского лета, юношеского беззаботного смеха и надежд, надежд на жизнь чудесную, необычную, полную творческих свершений, захватывающих приключений и побед...

1985

ВЛАДА, КИРА, ТАНЯ

Мы сидели тогда на поросшем травой склоне. За нашими спинами возвышался шпиль Московского университета. Город начинал уже просыпаться, зевал автомобильными гудками, потягивался, скрипя оконными форточками. Но здесь, у воды, все еще было окутано истомой раннего свежего утра.

Я отчетливо помнила, как топорщились под ладонями еще не раскрывшиеся после ночи одуванчики. Я сорвала один — из темно-зеленой сомкнутой чашечки торчали золотисто-рыжие лохмы — и принялась рассеянно водить им по коленке, обтянутой серо-зеленым шелком выпускного платья.

— Ты чего? — беспокойно спросила Танька. — Пятна же останутся, не отстирается.

А я беззаботно мотнула головой:

— Да наплевать! Эта хламида свое уже отработала, я ее больше в жизни не надену.

— Правильно! — поддержала Кира, вытягивая на земле свои бесконечные стройные ноги, едва прикрытые в верхней части короткой черной юбкой. —

Вам теперь только дожидаться, когда я стану звездой экрана, я вам тогда лучшие тряпки из-за границы тащить буду.

Я покосилась на Киру. В моем тогдашнем понимании у нее были все шансы стать кинозвездой. Кира была красивая. Нет, не просто красивая, инопланетная. Порождение иного мира, иной вселенной. Высоченная, тоненькая, девочка-андрогин, со странными, завораживающе резкими чертами лица. Скульптурные скулы, костистый нос, острый подбородок, прозрачно-зеленые глаза, бледный рот, шелковистые волосы странного серебристо-лунного цвета. Лицо ее могло казаться пленительно красивым и ледяным, отталкивающим одновременно, но одно было бесспорно — отвести от него взгляд не мог никто.

Забавную пару мы с ней, должно быть, составляли в то время. Я со своим крошечным ростом, даже на каблуках едва доходила ей до плеча. У Киры в отношении меня выработалась привычка этак покровительственно защищать меня и в то же время слегка подтрунивать. Я, наверное, казалась ей хрупкой феей не от мира сего, вечно в фантазиях, в иллюзорном мире. Себя же она считала донельзя прагматичной, земной и проникающей. А Танька... Танька, третья в нашей компании, вечная сиротка при живой матери, представляла у нас часть семейственную, домашнюю, уютную, с готовностью в любой момент накормить пирожками и подставить плечо, чтобы выплакаться.

Танька была... не некрасивой, нет. Просто какой-то нарочито обычной. С таким человеком можно час ехать в метро, смотреть на него в упор и не узнать — так легко он сливается с толпой. Наверное, из Таньки

получился бы отличный шпион, не киношный Джеймс Бонд — хлесткий, привлекательный, сексуальный, — а вот такой настоящий, незаметный, способный оказаться в самом центре событий и все равно уйти незамеченным. В принципе из такой внешности при желании можно было бы вылепить что угодно, и у Таньки вполне были шансы стать неотразимой, но ее влекли совсем другие интересы. Танька грезилась высоким искусством.

Познакомились мы с девчонками в московской школе с углубленным изучением английского и французского языков. Меня запихнули в нее родители. Когда моя полная никчемность в области точных наук стала очевидна, дома состоялся семейный совет. На повестке дня стоял животрепещущий вопрос, куда пристроить непутевую дочь, варящуюся в мире собственных фантазий и выныривающую из него только для того, чтобы черкануть очередной посетивший ее странный сюжет без начала и конца на листке бумаги. За это меня, собственно, и невзлюбила так люто физичка в моей родной школе — за то, что мои шизоидные зарисовки иногда попадались ей на глаза прямо в тетради, среди задач и формул. Но я ничего не могла с этим поделать, что-то само собой рождалось у меня в голове и требовало немедленного выплеска на бумагу. Это приходило спонтанно, иногда ночью, иногда во время урока, и в такие минуты мне было не до поиска подходящей поверхности. Относилась я тогда к этим своим поделкам на редкость беспечно и, записав их на бумагу, почти сразу же забывала о них.

Итак, родители пришли к выводу, что раз уж судьба угораздила меня родиться гуманитарием, так пусть хоть у меня будет хоть какое-то подобие перспектив-

ной денежной профессии. Отец позвонил какому-то студенческому приятелю, теперь окопавшемуся в Министерстве образования. Тот напряг кого-то еще — и вуаля. В девятый класс я пошла в престижную языковую школу, до которой добираться нужно было через полгорода, зато из нее я по задумке должна была бы выйти дельным человеком с двумя иностранными языками в багаже. Я в общем-то не возражала, реальный мир интересовал меня мало, по степени интересности он никак не мог посоперничать с сюжетами, разыгрывавшимися у меня в голове.

Кира попала в школу, проявив недюжинное упорство и настойчивость. Актерская профессия была для нее не эфемерной мечтой, а целью, к которой Кира упорно шла. Уже в пятнадцать она рассудила, что одной эффектной внешности для покорения мировых экранов может оказаться недостаточно и потому хорошо бы подкрепить свои шансы иностранными языками. Кирина мать, всю жизнь отсидевшая инженером в НИИ, порывов дочери не одобряла и помогать осуществлять ее намерения отказывалась. И Кира сама все лето, как на работу, ходила к завучу, к директору, требовала дать ей написать тесты, потрясала выдержками из законов, козыряла почти забытым словом «всеобуч» и наконец правдами и неправдами выбила себе место в девятом классе.

Что же до Таньки, она пришла в эту школу просто по прописке, училась в ней с первого класса и к своему владению языками относилась как к чему-то естественному, такому же привычному, как способность пить воду, держать в руке карандаш или прыгать на одной ножке.

А впрочем, теперь уже все это было позади — зубрежка, уроки, лингафонные кабинеты, контрольные, тесты, «London is the capital of Great Britain». В эту ночь отгремел выпускной, и пока наши одноклассники, оккупировав ближайшие кусты, распивали там портвейн, воровато оглядываясь, чтобы не попасться на глаза завучихе Вере Павловне, не привыкшие еще, что отныне у нее нет над ними никакой власти, мы втроем сидели на траве, смотрели на выползающее из-за горизонта солнце и видели в его рассеянных теплых лучах картины ожидающей нас удивительной жизни.

Снова налетел ветер, и в утреннем розоватом воздухе закружилась пушинка, заплясала перед моим носом какой-то удивительный легкий танец.

— Пушистая, — пробормотала я, глядя на нее. — Пушистая, как клоунский парик.

И привычно полезла в сумку за ручкой и блокнотом. В висках уже что-то защелкало, забрезжила перед глазами зарисовка: пожилой клоун устало сидит в примерной перед зеркалом, а на вбитом в стенку гвозде покачивается его парик. Белый и лохматый, как вот эта самая тополиная пушинка.

— Нет, — заспорила Танька. — Нет. Она похожа на балерину в белой пачке. Посмотри, как она танцует. Это же почти «Умиравший лебедь».

— Может, хватит уже бредить своим балетом? — перебила ее Кира. — Ты вроде в Строгановку собралась поступать, а не в балетное училище.

Танька шмыгнула носом и обиженно отвернулась. Балет был Танькиной несбывшейся мечтой, всем нам было об этом отлично известно. В комнате ее все стены увешаны были фотографиями Нуреева и Барышникова. Где она только их доставала, этих припечатан-